

Хэ Ю Вэнь всегда был заносчивым, своевольным и гордым. Когда он терпел такие унижения?

Сейчас его удерживали, прижав лицом вниз, спиной вверх, словно перевёрнутую черепаху. Сколько бы он ни лягался и ни царапался, перевернуться не мог. Его пухлое лицо покраснело от ярости. Говорить что-то в ответ?

— Тьфу!

Вот ещё! Маленький господин никому ничего не скажет!

Се Тин Син так разозлился, что едва не вцепился в него зубами:

— Хэ Ю Вэнь, ты что себе позволяешь! Это мой брат!

Толстяк мрачно скользнул взглядом по Се Тин Юэ:

— О, так это твой никчёмный братец? Тот, что отказался от своих яиц и побежал в жёны, чтобы другой мужик его имел?

Он ещё и Чу Му оценивающе оглядел:

— О, я забыл, что этот муж, ради которого устроили свадьбу, полудохлый паралитик, который даже не может «подняться». Твой брат, наверное, даже не знает, что такое удовольствие!

Се Тин Син тут же запустил в него ногой:

— Ты ни хрена не знаешь, мерзкий жирный ублюдок! Сегодня я тебя просто прибью!

Но Се Тин Юэ успел его остановить.

Се Тин Син аж до крови прикусил губу, топнул ногой, сверля брата взглядом, полный обиды:

— Брат!

Се Тин Юэ только тяжело вздохнул:

— Я не плачу и не обвиняю небеса в несправедливости, как от меня ожидают, и живу лучше других. А те, у кого жизнь пустая и скучная, кто не ощущает счастья, могут держаться только на своём убогом высокомерии, смеясь над другими. У меня всё так хорошо, неужели я не могу позволить этим несчастным тихонько поругаться? Это было бы слишком жестоко.

Толстяк пару секунд пытался осознать сказанное, а потом покраснел от злости: его ведь только что унизили!

— Ебать! — он покраснел от ярости. — Ты, козёл, на кого это намекаешь! Разве я ошибся, говоря о тебе? Ты ведь правда раздеваешься догола и ложишься под мужика, чтобы тебя траха...

Его слова прервались криком боли. Цинь Пин изо всех сил начал лупить его по заднице.

А Чу Му в это время спокойно сидел в коляске, его брови были нахмурены, лицо холодно, а взгляд тёмный. Длинные пальцы чуть шевелились, отдавая приказ. Каждый раз, когда он двигал пальцем, Цинь Пин наносил удар.

Цинь Пин лупил по-настоящему, не используя внутреннюю силу воина, а просто применяя физическую силу. Это не повреждало кости или мышцы, но было очень больно. Маленький толстяк уже корчился от боли.

Вот тебе, щенок, за то, что не знаешь, как себя вести! У тебя есть глаза, чтобы видеть, и рот, чтобы говорить, а не плевать дерьмом!

Ребёнок лет десяти, как раз в том возрасте, когда лицо важнее всего. Если бы ему устроили суровое наказание, он, возможно, стерпел бы, как новорождённый телёнок, который не боится тигра. Но эта порка, которая причиняла боль, не ломая кости, унижала его, не убивая, и ребенок не мог этого вынести.

Маленький толстяк покраснел от стыда и начал отчаянно сопротивляться:

— Я тебе говорю, отпусти меня! Немедленно! Иначе я этого так не оставлю!

Цинь Пин его не слушал. Пока хозяин не прикажет прекратить, порка не прекратится.

Лицо маленького толстяка покраснело до предела, он извивался, почти задыхаясь:

— Эй, ты кто такой, чтобы меня бить?! Даже мой дядя никогда меня не бил!

Чу Му усмехнулся:

— Вот поэтому ты и стал таким наглым.

Пока Хэ Ю Вэнь корчился в позоре, Се Тин Син был очень рад. Он медленно обошёл толстяка, с удовольствием наблюдая за происходящим, и при этом с важным видом поучал:

— Ты, толстяк, просто ещё не понял! Детей нужно воспитывать, деревья нужно подрезать, а камни не обретут форму без обработки. Не отшлифовав яшму, изделия не получишь*. Ты думаешь, это хорошо, что тебя никто строго не воспитывал?

*П.п. Не отшлифовав яшму, изделия не получишь — человек становится благородным, только получив воспитание и образование.

Когда тебя держат и бьют по заднице, да ещё на глазах у сверстника, который к тому же твой заклятый враг, как маленький толстяк мог смириться с этим?

Он тут же огрызнулся:

— Ты был под строгим контролем своего брата, и что, стал лучше? Всё равно же учителя тебя за плохую учёбу наказывали, заставляли переписывать книги! Вот увидишь, твой брат спит с мужиком, и тебя воспитают в том же духе! В этой жизни тебе не видать жены, рано или поздно тебя отправят в постель к какому-нибудь мужику, который тебя трахнет!

— В таком юном возрасте уже столько знаешь, — тихо засмеялся Чу Му.

Как ни странно, он явно смеялся, и его голос, как всегда, звучал мягко и спокойно, но в этом полумраке, под звуки шлепков, это почему-то не вызывало ощущения тепла, а, наоборот, казалось холодным.

Как растаявший снег, превратившийся в ручей, текущий по ущелью. Ты можешь увидеть, как он красиво переливается в свете, но также почувствовать пронизывающий до костей холод.

— Раз ты так интересуешься... Как насчёт того, чтобы я прямо сейчас нашёл кого-нибудь, кто возьмёт и трахнет тебя?

Толстяк мгновенно замолчал.

Подростки, дерзкие и непокорные, испытывают жгучее любопытство к миру взрослых. Они могут поверхностно разбираться во всём, но их тела ещё не созрели. На словах они смелые, но когда дело доходит до реальности, сразу трусят.

Самый большой страх рождается из неизвестности.

— Какой тип тебе нравится? — Чу Му продолжал двигать длинными пальцами, и Цинь Пин не прекращал ударов. В воздухе то и дело раздавались звонкие шлепки. Атмосфера становилась всё более гнетущей.

— Бородатый, мускулистый бандит, разыскиваемый властями? Или опытный потаскун,

промышляющий в публичных домах, вдобавок ко всему заражённый сифилисом? А может, тебе по душе облезлый нищий с улицы, у которого тело покрыто гнилыми язвами?

Толстяк чуть было не описался от страха.

Пожалуйста, перестань так улыбаться! Это так страшно!

Он не осмеливался больше кричать и оскорблять, смутно чувствуя, что эти слова не просто угроза — этот человек действительно способен на такое!

— Вы... вы просто взрослые, которые издеваются над ребёнком! Неужели вам не стыдно, что все узнают, как большие мужчины издеваются над маленьким мальчиком?

— Это действительно проблема... — Чу Му пристально смотрел на него, его улыбка становилась всё шире. — Что же делать? Может, поступить так же, как ты? Сделать так, чтобы ты больше никогда не смог рассказать об этом?

Человек, который никогда не сможет рассказать — это мёртвый человек.

Маленький толстяк почувствовал, как у него волосы встали дыбом. Этот человек хочет убить его!

— Вы издеваетесь над людьми...

Се Тин Син не выдержал и выскочил вперёд, указывая на него пальцем:

— Ага, значит ты можешь издеваться над другими, но когда тебя обижают, это уже недопустимо? Нельзя быть таким бесстыдным! Когда ты с Лун Цин Фу планировал меня убить, почему ты не был таким принципиальным?

Шлепки не прекращались, удары становились всё сильнее и болезненнее. Маленький толстяк почувствовал, как его задница опухает, кажется, даже пошла кровь. Он явно запаниковал:

— Нет, нет... Я не могу умереть вот так... Я ещё ребёнок! Вы не можете так со мной поступать!

— А если ребёнок, то значит, всегда прав? И взрослые должны терпеть любые твои выходки?

Се Тин Юэ с суровым взглядом сказал:

— Да, ты молод, многого не понимаешь, у тебя есть право на ошибки. Но у тебя также есть обязанность расти и взрослеть. Взрослые должны защищать тебя, создавать для тебя хорошие

условия жизни, но они также обязаны учить тебя, что правильно, а что нет. Если ты поступаешь хорошо и правильно, тебя похвалят, но если ошибаешься, конечно, тебя накажут.

— Каждый должен отвечать за свои действия. Ты думаешь, что раз ты ребёнок, то всё сойдёт с рук? Это не так. Последствия твоих ошибок никуда не исчезают, просто за них расплачиваются твои старшие.

Внезапно наступила тишина.

Се Тин Син посмотрел на своего брата, его лицо слегка покраснело, и он, смущённый, опустил голову.

Сколько неприятностей он доставлял... Брат действительно наказывал его, но никто никогда не ругал, не обвинял. Теперь он понимал: брат всегда защищал его втайне...

А вот маленький толстяк вдруг погрузился и через некоторое время тихо сказал:

— Мой дядя... никогда за меня ничего не делал.

Все дети шаловливы, но когда речь заходит о некоторых детях, люди с улыбкой говорят: «Кто в детстве не шалил? Вырастет — исправится», и уверены, что они не станут плохими. А когда речь заходит о других детях, люди качают головой: «Бунтарь, безнадёжный, лучше держаться подальше, вырастет — обязательно принесёт беду».

Почему так?

Хэ Ю Вэнь думал, думал... но не мог вспомнить ни единого случая, когда его дядя хоть раз за него заступился, хоть раз попытался решить его проблемы.

— Так зачем же делать это своей верой и позволять ему быть твоей жизненной силой? — Се Тин Юэ пристально посмотрел ему в глаза, словно пытаясь заглянуть в его душу. — Спроси себя, действительно ли он этого заслуживает?

Глаза маленького толстяка внезапно покраснели.

Его глаза покраснели, но он упрямо не проронил ни слезинки, только яростно смотрел на Се Тин Юэ:

— Но у меня есть только он! Только дядя! Почему вы хотите отнять у меня даже это?! Пусть он только давал мне деньги, я всё равно хочу их! У других есть то, чего нет у меня, но у меня должно быть то, чего нет у других!

Затем он посмотрел на Се Тин Сина, стиснув зубы так сильно, что из уголков рта показалась кровь:

— Да, ты прав! Я делаю это ради себя! Если я отомщу за дядю, то наша связь станет настоящей, неоспоримой! Он был самым близким мне человеком, а я ему! Он не подвёл меня, и я не подведу его!

— Убийство требует возмездия, долги должны быть оплачены! Вы убили моего дядю, и я имею право мстить! В чём я виноват? Я просто хочу, чтобы вы заплатили кровью за кровь, хочу справедливости, хочу защитить то небольшое, что у меня есть! Разве я не прав?!

Чу Му усмехнулся:

— Хэ Юань Ци умер на моём сливовом банкете. Поэтому ты ищешь мести у меня. Но тогда, в момент его смерти, пинал и проклинал его именно Лун Цин Фу. Так почему ты не мстишь ему?

Толстяк резко втянул голову в плечи.

— Просто ты ищешь себе жертву послабее. Ты просто трус.

Се Тин Син с суровым выражением лица тихо хмыкнул.

Оба они были непреклонными.

В такой напряжённой ситуации толстяк разве станет говорить правду?

Се Тин Юэ глубоко вздохнул и произнёс:

— Конечно, ты неправ. Само желание причинить вред уже является ошибкой. Если ты хотел отомстить за своего дядю, тебе следовало обратиться к властям, выяснить правду, найти настоящего виновника и добиться, чтобы его наказали по закону. А ты просто схватил первого попавшегося человека, решил, что он виновен, и захотел убить его ради мести.

Может, голос Се Тин Юэ был слишком мягким, а может, после долгого напряжения у толстяка просто сдали нервы, но в следующий миг его глаза наполнились слезами, и он наконец заплакал:

— Я тоже хочу иметь родителей, хочу иметь брата... Но у меня был только дядя. Пусть он был не лучшим человеком, но он был моим дядей. Пока он был рядом, у меня оставалась хоть какая-то надежда, хоть какое-то ожидание... А теперь он ушёл, и у меня не осталось вообще ничего...

На этот раз он действительно был обижен.

Се Тин Юэ долго колебался, но в итоге шагнул вперёд и мягко погладил его по голове.

Чу Му тоже поднял руку, давая знак Цинь Пину прекратить порку.

Се Тин Юэ продолжил:

— Твой мир слишком мал, и ты чувствуешь себя одиноко, поэтому отчаянно пытаешься найти хоть какую-то связь. Это нормально. Никто не может жить в этом мире в полном одиночестве, каждому нужен кто-то, кто будет рядом, даже если это всего лишь один человек. Но ты ещё слишком молод, а жизнь длинна. Связи могут быть разными, и это не обязательно должна быть только родственная привязанность.

Он невольно взглянул на Чу Му.

Он и Чу Му теперь тоже своего рода связаны... верно?

А Чу Му, который всегда старался выглядеть наилучшим образом перед своей супругой, конечно же, выбрал самый подходящий момент, чтобы бросить в его сторону полный нежности взгляд.

И вдобавок поддержал его:

— Например, заклятый враг. Часто именно противник становится тем, за кем ты гонишься, чья высота определяет твою высоту. И рядом с ним всегда есть то, чего ты жаждешь.

Он перевёл взгляд на Се Тин Сина и добавил:

— Думаю, ты хочешь стать таким же, как Се Тин Син.

Се Тин Син от изумления распахнул глаза и указал на себя:

— Я?!

Да, он знал, что маленький толстяк ему завидует, но связь... забудьте об этом.

Толстяк не ответил, только уткнулся носом в грудь.

Цинь Пин больше не бил его и даже не удерживал, он мог бы сам встать, но не хотел этого

делать.

Ему было стыдно.

Се Тин Юэ смотрел на маленького толстяка, чувствуя беспокойство.

Почему подростки всегда такие проблемные? Почему их так трудно воспитывать?

— Ненависть — это злой дух. Он затыкает тебе уши, закрывает глаза, и толкает тебя в том направлении, куда он хочет. И ты даже не замечаешь, как перед тобой оказывается бездна, а пути назад уже нет.

Он не знал, услышит ли его маленький толстяк. Ему казалось, что его слова не имеют силы. Когда Се Тин Юэ говорил такие вещи своему младшему брату, тот всегда находил, чем возразить. Он предполагал, что и этот мальчик вряд ли воспримет его слова всерьёз.

Но услышит он их или нет — это его дело. Если не сказать, то на душе у Се Тин Юэ не будет покоя.

Они всё ещё дети. Если хоть немного направить их, возможно, они не вырастут плохими, или хотя бы не такими уж плохими, сохранив немного совести?

— Хэ Ю Вэнь, не позволяй ненависти управлять тобой, иначе однажды ты даже не сможешь осознать, кто ты есть. Кем ты хочешь стать решать только тебе.

Маленький толстяк долго не двигался, и никто из присутствующих не торопил его. Даже Цинь Пин, чьё бедро так долго использовалось как опора, тоже не жаловался на усталость.

Спустя долгое время Се Тин Юэ услышал его голос:

— Я... Если я скажу, что это было не специально, ты согласишься?

Голос был тихим, как жужжание комара. Если не прислушаться, можно было и не расслышать.

Но это было выражение позиции маленького толстяка.

Возможно, ему всё ещё было стыдно, но он уже набрался достаточно смелости, чтобы столкнуться с этим лицом к лицу.

Се Тин Юэ почти сразу кивнул:

— Я поверю.

Подобное действительно трудно было бы спланировать ребёнку.

Чу Му не был тем, кто балует детей. Се Тин Син — исключение, он младший брат его жены, но этот маленький паршивец? Не дожждётся. Он схватил маленького толстяка за шиворот и попытался поднять...

Маленький толстяк был слишком тяжёлым, и у него не получилось. Пришлось Цинь Пину незаметно помочь, чтобы Чу Му не сконфузился перед своей женой.

— Так ты собираешься говорить правду или нет?

Толстяк вертел головой, лишь бы не встречаться с ним взглядом. Однако Чу Му был слишком страшен, и угроза, которую он произнёс ранее, всё ещё звучала в ушах. Маленький толстяк не смел его злить:

— Эм... Я знаю, где заперты Шэнь Сань Нян и Ци Ин Фэй. Я отведу туда.

Чу Му приподнял бровь:

— Где Лун Цин Фу? Где он сейчас?

Толстяк вытаращил глаза:

— Откуда мне знать?! Он мне не слуга!

— Он подговорил тебя убить Се Тин Сина и бросить тело сюда... Куда он сам отправился? Он не сказал тебе?

— Он только сказал, что дело сделано, и ушёл... — маленький толстяк, вспоминая произошедшее, покачал головой. — Кажется, он не заходил сюда. К тому же, это трактир моей семьи, он даже не знает о тайных ходах и механизмах.

Се Тин Юэ похлопал Чу Му по плечу:

— Найти женщин важнее.

Этот маленький толстяк явно не отличался умом, его просто обманули. Что собирался делать Лун Цин Фу, он, скорее всего, не знал, и спрашивать его бесполезно.

Придётся идти вперёд и разбираться по ходу дела.

Наконец, чувство стыда прошло, и маленький толстяк, идя, начал выдвигать условия:

— Всё это устроил мой дядя ещё при жизни, ко мне это не имеет никакого отношения. Я... я просто случайно... подал сигнал. Но люди целы, я сам отведу вас к ним, так что считайте, я загладил свою вину! Вы не имеете права сдавать меня властям и требовать наказания! Вот, мы на месте...

Маленький толстяк активировал механизм, стена сдвинулась, тени от свечей заколебались, и появилась комната.

Кроме этой стены, в комнате не было ни окон, ни дверей, ни какого-либо убранства. Только голая колонна, с верёвкой, лежащей рядом, и двумя длинными цепями, прикованными к полу, явно предназначенными для ног.

Верёвка и цепи были на месте, а вот людей не было!

Се Тин Юэ, Чу Му и Се Тин Син одновременно нахмурились.

Маленький толстяк был ещё более взволнован, чем они:

— Где они?! Как их может не быть?! Они же должны быть здесь!

Он бросился искать, но в пустой комнате нечего было искать. Он даже внимательно осмотрел основание колонны, но не нашёл ни единого волоска!

Се Тин Юэ и Чу Му переглянулись и одновременно сказали:

— Лун Цин Фу!

Кто бы поверил, что он всё это затеял без цели? У него явно был свой план, и этот план связан с Ци Ин Фэй!

Чем больше неразберихи снаружи, тем легче ему увести Ци Ин Фэй. А Шэнь Сань Нян была рядом с ней, и чтобы избежать неприятностей, он, несомненно, увёл их обеих!

Но откуда он узнал о механизме потайного хода?!

Разбираться было некогда. Се Тин Юэ схватил толстяка и спросил:

— Как быстрее всего выбраться из этого тайного хода?

Маленький толстяк был решительным. Раз уж он открылся и признал поражение, то не стал менять свою позицию. Он указал направление:

— Идите прямо. Когда упрётесь в стену, ищите выпирающий квадрат. Легонько нажмите на него.

Чу Му тут же скомандовал:

— Цинь Пин, иди и обязательно останови Лун Цин Фу!

Цинь Пин не колеблясь, опустился на одно колено, сказал: «Есть!» и быстро исчез.

Другие слуги, скорее всего, тоже уже нашли путь сюда, так что никто особенно не беспокоился о безопасности.

Маленький толстяк чувствовал себя виноватым и злился на то, что его обманули. Он не смог выполнить то, что обещал, и его лицо выражало недовольство.

— Ладно, пошли, — сказал Се Тин Юэ и кивнул в сторону, куда ушёл Цинь Пин, и спросил маленького толстяка: — Нам туда же?

— Ему я показал самый быстрый путь, но там есть спуски и подъёмы, идти будет неудобно. Давайте пойдём сюда, — маленький толстяк повёл их в другом направлении.

Как и раньше, он безошибочно нашёл скрытый механизм и нажал на него...

Картина была почти такой же, как всегда. Но в этот раз что-то пошло не так.

Стена сдвинулась, но вместо прохода наружу перед ними предстала тёмная река!

Пространство открылось, вокруг стало светлее, чем в прежней тёмной комнате. Над головой сияла холодная луна, дул пронизывающий ветер. Можно было разглядеть тёмные тени под водой, услышать лёгкий плеск воды и даже почувствовать, как рыбы шевелят хвостами.

Обстановка была суровой и дикой.

Лицо маленького толстяка мгновенно побелело. Он застыл на месте:

— Я... я... боюсь воды!

Прежде чем кто-то успел что-то сделать, его глаза закатились, и он потерял сознание.

Его обморок на месте был не так уж страшен. Хотя он находился близко к воде, реальной опасности не было, главное — не двигаться.

Проблема была в том, что за ним стоял Се Тин Син, который инстинктивно протянул руку, чтобы поддержать его, не подумав о весе маленького толстяка, и не удержал его.

С маленьким толстяком всё было в порядке — он просто упал на землю и потерял сознание. Но из-за этой попытки поддержать его, Се Тин Син потерял равновесие, его тело наклонилось в сторону, и он начал падать.

А внизу была глубокая тёмная река с бурным течением!

— Син-эр!

Се Тин Юэ был в шоке, его тело неконтролируемо рванулось вперёд, чтобы схватить брата...

Он думал об этом всё это время.

В прошлой жизни в день своей свадьбы он попал в ловушку мачехи, и оказался в крайне тяжёлом состоянии. Его младший брат, возмущённый этим, вернулся и устроил скандал мачехе Линь. И сам в итоге попал в ловушку. В разгар зимы он упал в реку, потерял большую часть жизненных сил, и когда его вытащили, было уже слишком поздно. Он умер через несколько дней.

На этот раз он решил тщательно защищать брата и ни за что не позволить ему снова оказаться в такой опасности. Чем ближе был тот день, тем сильнее он тревожился. Поэтому, когда Чу Му предложил оставить брата у себя ненадолго, он, несмотря на смущение, всё же согласился.

Он хотел лично присматривать за братом, не позволяя ему приближаться к воде. Если он не подойдёт к воде, трагедия прошлой жизни точно не повторится!

Оставалось всего пять дней.

Пять дней до того дня, когда брат упал в воду в прошлой жизни.

Он думал, что на этот раз всё будет в порядке. Линь больше нет рядом, чтобы плести интриги. Всего-то пять дней, и они пройдут благополучно. Почему же снова появилась вода?!

Неужели судьба неизменна? Неужели всё предопределено небесами?

Нет, он не верил в это!

Се Тин Юэ стиснул зубы. Он не позволит брату снова умереть у него на глазах. Никогда!

Всё произошло в одно мгновение.

Се Тин Син сразу понял, в каком положении оказался, и ему стало страшно. Но этот страх не шёл ни в какое сравнение с ужасом, который он испытал, увидев, как брат бросился за ним.

— Брат...

Внизу была вода, он видел это. Раньше он тайком научился плавать, и брат об этом не знал. Хотя вода казалась глубокой и холодной, он мог постараться и продержаться до тех пор, пока кто-нибудь не спасёт его. Но его брат не умел плавать, он знал это!

Почему же он бросился за ним?!

Они оба умрут!

— Брат, не...

Се Тин Син никогда не был плаксой, но в этот момент он не смог сдержаться, и крупные слёзы потекли из его глаз.

В ту секунду, когда руки Се Тин Юэ схватили его и крепко прижали к себе, он разрыдался в голос. Он не мог позволить брату умереть здесь!

— Чу Му! Старший... молодой... господин Чу...

Самый нелюбимый и раздражающий человек стал теперь его последней надеждой.

Се Тин Син хотел сказать: «Я признаю тебя зятем, честное слово! Я больше не буду тебе перечить, буду слушаться, помогать брату заботиться о тебе, не позволю никому тебя обижать! Только спаси моего брата, пожалуйста!»

Раньше каждый раз, когда он получал хоть немного братской любви, он тут же хвастался перед Чу Му: «Посмотри, брат заботится только обо мне, думает только обо мне! Кто ты такой вообще?» Эта игра в превосходство, где у него было то, чего не было у других, казалось, никогда не надоедала ему.

Но в этот момент у него не было никаких таких желаний, только страх.

У него была только одна мысль: он хотел, чтобы его брат выжил, был здоров и жил хорошо.

Он хотел сказать Чу Му: «Если ты спасёшь моего брата, мне всё равно, будешь ты меня ненавидеть или запретишь приходить в твой дом. Мне даже не важно, если ты больше не позволишь мне видеть брата».

Никогда прежде он не чувствовал себя таким ничтожным, как в этот момент.

Се Тин Син за свою жизнь натворил немало бед, но никогда не думал, что однажды навлечёт такую беду, поставив своего любимого брата в опасность.

В одно мгновение тысячи мыслей закружились в его голове, но горло пересохло, и он не смог вымолвить ни слова.

Этот раздражающий парень...

Он был один наверху, без слуг рядом, слабый от долгой болезни, передвигающийся только на коляске. Как он мог их спасти?

— Старший брат...

Я больше никогда не буду шалить... Не пугай меня... Только останься в живых, хорошо?

Се Тин Юэ крепко обнял брата:

— Не бойся, не бойся, Син-эр. Всё хорошо. Брат не позволит тебе пострадать... Никогда...

Его руки дрожали.

Неизвестно, обо что-то он ударился, когда прыгал, но на лбу выступила кровь.

Се Тин Син увидел её, и его глаза покраснели:

— Брат...

Его голос звучал так, будто он кричал до кровавых слёз.

И в этот момент сверху опустилась серебристо-белая нить, описав в воздухе красивую дугу, и мгновенно обвила их, плотно стягивая.

Падение резко остановилось. Се Тин Син, всё ещё прижимаясь к брату, поднял голову и увидел того человека.

С четкими и изящными чертами лица, с плечами, окутанными лунным светом, сидящего среди звёздного неба.

П.п. Что-то тяжело мне дался, перевод этой главы. В очередной раз, я поразились как автор не скупиться на ругательства и жестокость. Обрадовалась, что наконец-то спасут девушек, но снова видно не судьба... Похоже придется им ещё главу-две побыть в плену. А как вам глава?

<http://bllate.org/book/13821/1219772>